This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

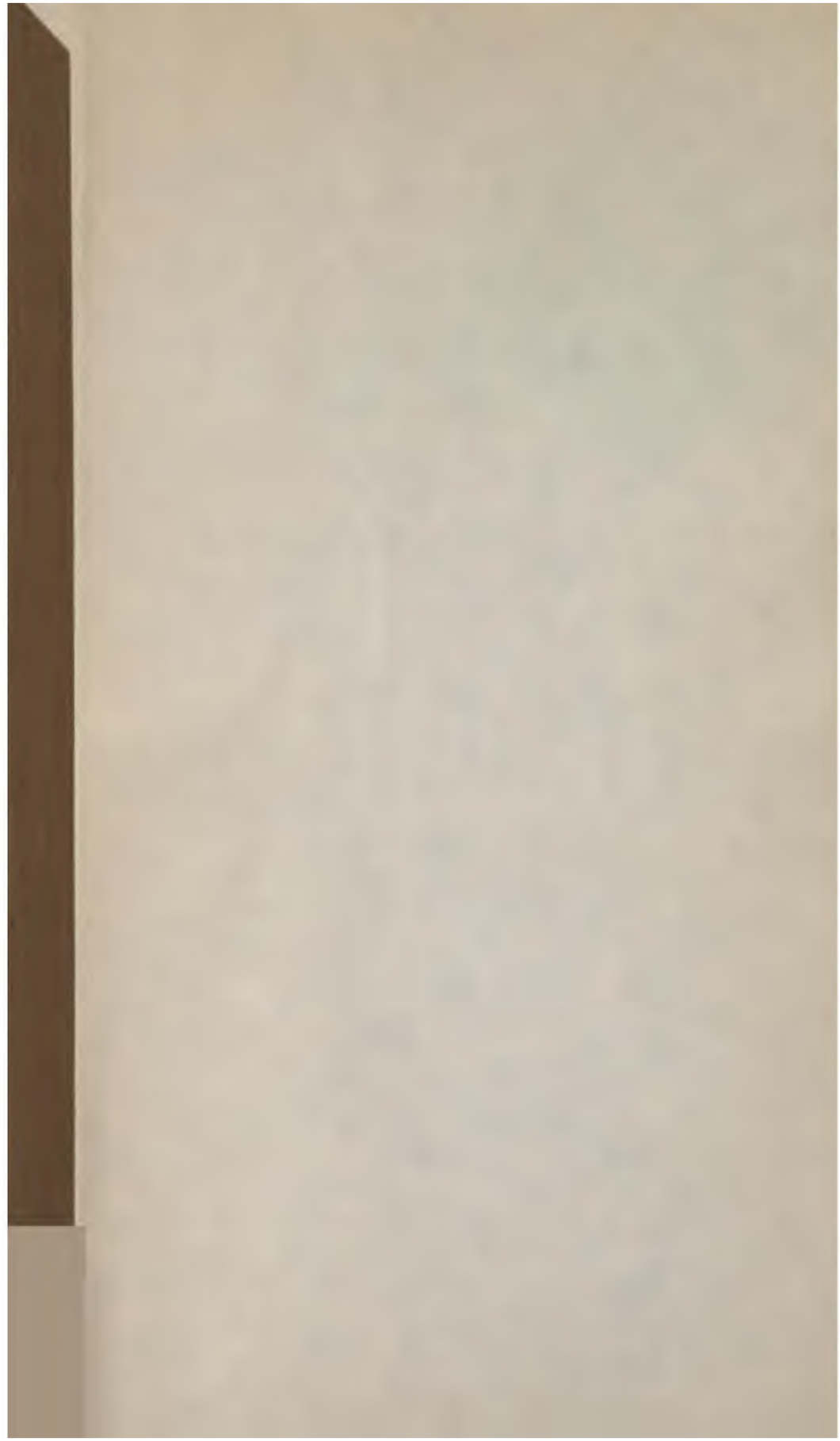
DK
601
.S4

SHEREMETEV
MOSKOVSKIIA VOS-
POMINANIIA...

Gift of

Wojciech Zalewski

STANFORD
UNIVERSITY
LIBRARIES



Sheremet'ev, S. graf

Moskovskia vospominaniia shestidesiatykh godov

Московскія воспоминанія

шестидесятыхъ годовъ.

МОСКВА.
Типо-Литографія Н. И. Кушанина, Мясницкая, близъ Почтамта.
1900.

Sheremetev, S. D.

Московскія воспоминанія

шестидесятыхъ годовъ.

МОСКВА.
Типо-Литографія Н. И. Куманина, Мясницкая, близъ Почтамта.
1900.

DK601
S4

Дозволоно цензурою. Москва, 13 Сентября 1900 года.

Московскія воспоминанія

ШЕСТИДЕСЯТЫХЪ ГОДОВЪ.

„Жертвы вечерней кадиломъ
Будетъ Москвѣ мой привѣтъ—,
Въ память о прошломъ, мнѣ миломъ,
Братьямъ, которыхъ ужъ нѣтъ".
Кн. П. А. Вяземскій.

Начиная съ 1860 года, я ежегодно и по нѣскольку разъ бывалъ въ Москвѣ, гдѣ останавливался въ старыхъ своихъ дѣтскихъ комнатахъ большаго нашего дома на Воздвиженкѣ. Я засталъ такимъ образомъ еще Москву 60-хъ годовъ и хотя не выѣзжалъ много изъ дому, но всеже въ памяти моей остались нѣкоторыя лица изъ тогдашняго общества, уже давно теперь отошедшія въ область прошлаго. Въ эти пріѣзды мои въ Москву я обязательно объѣзжалъ всѣхъ родственниковъ, близкихъ и дальнихъ, а также и друзей семьи.

Въ Запасномъ дворцѣ, у Красныхъ воротъ, жило семейство Горчаковыхъ: Князь Сергій Дмитріевичъ съ женою Анной Александровной, рожденной Шереметевой, и многими дочерьми. Сыновья были женаты и жили на сторонѣ. Всѣ сестры дѣвицы княжны Горчаковы не отходили отъ родителей. Дочь Александра Владиміровича Шереметева, княгиня Анна Александровна, приходилась двоюродною сестрою дѣду Сергѣю Васильевичу и отличалась живымъ

своеобразнымъ умомъ. Она была въ большой дружбѣ съ родственникомъ своимъ Василіемъ Ивановичемъ Булыгинымъ. Князь Сергій Дмитріевичъ, братъ князей Михаила и Петра Горчаковыхъ, героевъ Севастополя, въ молодости самъ отличался храбростью, но послѣ женитьбы покинулъ военную службу и былъ впослѣдствіи товарищемъ президента Московской дворцовой конторы и гофмейстеромъ. Помню ихъ квартиру подъ сводами стараго зданія Запаснаго Дворца.

На Никитскомъ бульварѣ въ домѣ графа Комаровскаго жило семейство Львовыхъ. Князь Александръ Дмитріевичъ Львовъ, сынъ князя Дмитрія Семеновича, приходился также двоюроднымъ братомъ бабушкѣ Екатеринѣ Васильевнѣ. Женатъ онъ былъ на Маріѣ Андреевнѣ—сестрѣ князя В. А. Долгорукаго. Когда-то жили они въ своемъ собственномъ домѣ на Мясницкой (нынѣ Солдатенкова). Князь А. Д. Львовъ былъ старикъ съ правильными, красивыми чертами, бѣлый, какъ лунь, съ голубыми глазами, носъ слегка сгорбленный и тонкій; кроткій и добродушный, необыкновенно изящный—это былъ прекрасный типъ стараго москвича. Семья его была многочисленна, дочери—красавицы, сыновья на службѣ, и всѣ болѣе придерживались взглядовъ и направленія княгини Маріи Андреевны. На старости лѣтъ, въ угоду жены, кн. А. Д. переѣхалъ въ Петербургъ и вскорѣ умеръ.—Коренному москвичу тяжело было свыкаться съ новою жизнью и новой обстановкой, да и не для чего...

Семейство Сушковыхъ состояло изъ двухъ лицъ — мужа и жены. Николай Васильевичъ и Дарья Ивановна жили у Стараго Пимена, гдѣ въ небольшой, но всѣмъ знакомой квартирѣ принимали всю Москву. Съ ними жила племянница, дочь поэта Ѳ. И. Тютчева Екатерина Ѳеодоровна. Однажды попалъ и я на этотъ вечеръ. „Приходите покалякать“—сказалъ мнѣ Ни-

колай Васильевичъ. У Дарьи Ивановны было семейное сходство съ Тютчевыми и съ Пелагеей Васильевною Муравьевою. Въ молодости она любила своего родственника Алексѣя Васильевича Шереметева. Вечера ихъ славились на всю Москву.

У церкви Св. Антипія близъ Колымажнаго двора былъ настоящій дворянскій уголъ. И теперь еще уцѣлѣли нѣкоторые дома, хотя многіе уже перешли въ другія руки. Въ глубинѣ широкаго двора, окруженнаго садомъ, въ старомъ домѣ Вяземскихъ (князя Андрея Ивановича) жилъ Столыпинъ, саратовскій помѣщикъ и великанъ—Аѳанасій Алексѣевичъ съ женою Марьей Александровной, урожденной Устиновой. Домъ не отличался роскошнымъ убранствомъ, но въ немъ было привольно и гостепріимно. Это пріютъ многочисленныхъ родственниковъ саратовскихъ, пензенскихъ—черноземныхъ помѣщиковъ и помѣщицъ и ихъ родни до отдаленнѣйшаго колѣна. Изъ этого дома вышла замужъ Наталья Аѳанасьевна Столыпина за Василія Алексѣевича Шереметева въ 1862 году.

Небольшой переулокъ отдѣлялъ этотъ домъ отъ сосѣдняго — княгини Надежды Ѳеодоровны Четвертинской. Послѣ смерти мужа она осталась въ этомъ, подаренномъ ей, казенномъ домѣ до конца жизни. Дочь Прасковьи Юрьевны Кологривовой, когда-то извѣстная Neijon, кавалерственная дама, статсъ-дама, она до самыхъ позднихъ лѣтъ не пропускала ни одного случая, чтобы не появиться при Дворѣ. Ея многочисленное потомство донынѣ въ Москвѣ, а дорогая ей подмосковная Филимонки теперь превращена въ общежитіе.

Въ своемъ домѣ, на широкомъ дворѣ за рѣшеткою, жилъ первый сановникъ Москвы (послѣ князя Сергія Михайловича Голицына), Президентъ Придворной конторы оберъ-гофмейстеръ и кавалеръ Владиміра I ст., князь Николай Ивановичъ Трубецкой, извѣстный подъ именемъ „le nain jaune“. У него

была домовая церковь. Къ нему съѣзжались и происходило нѣчто въ родѣ „выхода“. Князь Трубецкой долгое время былъ предметомъ ревности князя В. А. Долгорукова изъ за ленты. Въ сущности они во многомъ сходились. Князь Трубецкой прозвалъ Владиміра Андреевича „candide“.

Къ этому типу подходилъ пышный баронъ М. Л. Боде-Колычовъ, тогда еще гофмейстеръ и не первый чинъ двора. Онъ изображалъ изъ себя тогда „сановника“ XVIII в., смѣнившагося впослѣдствіи „бояриномъ“ XVII в. Въ Кремлѣ еще сидѣлъ тогда „комендантъ“ старикъ Кизмеръ. Оберъ-полицеймейстеромъ былъ „сибаритъ“ графъ Крейцъ, женатый на Людмилѣ Калпашниковой—вдовѣ гр. Бобринскаго. Московскимъ Генералъ-губернаторомъ я засталъ почтеннаго и благороднаго П. А. Тучкова, а за нимъ М. С. Офросимова. Балы у П. А. Тучкова были очень изящные, и общество было тогда еще блестящее, эти балы напоминаютъ мнѣ молодость и хорошее время.

На Покровкѣ въ старомъ домѣ прошлаго вѣка, переполненномъ портретами и древнею художественною мебелью, жили Князь М. Ѳ. и княгиня Луиза Трофимовна Голицыны, урожд. графиня Баранова. Это было соединеніе старой Москвы съ Петербургскимъ дворомъ. То была оффиціальная и отчасти придворная Москва. Но рядомъ съ нею была и другая Москва—старо-дворянская, нѣсколько оппозиціонная—недовольная, чувствовавшая себя не въ „авантажѣ“, но сознающая за собою извѣстныя права и значеніе. Это та Москва, которая всего болѣе была непріятна Петербургу, Петербургскій чиновникъ не жаловалъ эту Москву, а Петербургскій чиновникъ тогда господствовалъ... Тогда народилась и третья Москва—ново дворянская, отрицавшая прежде всего дворянство, какъ сословіе, желавшая поддѣлаться подъ господствующее теченіе, честолюбивая и властная,

прикрываемая „гуманными“ и освободительными стремленіями.

Подъ шумокъ трескучихъ фразъ выдвинулось Московское именитое купечество въ новой своей политической роли. Тогда была мода на такъ называемыхъ простыхъ русскихъ людей. Началось время исканія популярности. Появились люди выдающагося ума, которые повели это дѣло мастерски и сдѣлались центромъ новаго направленія, искусно заручившись женскими придворными связями. Вся эта шумиха теперь за нами, по за нами и кровь 1877 года...

Это было время первыхъ шаговъ Каткова — его борьбы съ Герценомъ, его заслугъ въ 1863 году, время подъема духа и нѣкотораго отрезвленія послѣ либеральнаго запоя. Въ это время еще на Троицкомъ подворьѣ ярко горѣлъ свѣтильникъ, государственный старецъ и святитель Филаретъ. Ясно видѣлъ онъ и предусматривалъ зло. Слово его раздавалось съ каѳедры, какъ вѣщій благовѣстъ, къ которому должны были прислушиваться. Кончина Филарета — начало обезличенія Москвы: мало по малу по всѣмъ слоямъ и всюду начинается мельчаніе и оскудѣніе. Дворяство было расшатано. Подъ вліяніемъ господствовавшихъ тогда Петербургскихъ теченій благороднѣйшій генералъ Офросимовъ уступилъ свое мѣсто князю В. А. Долгорукому. И съ того дня начинается вытравливаніе всего, что носило на себѣ оттѣнокъ не сочувственный петербургской канцеляріи.

Я былъ еще тогда очень молодъ, но всѣ эти вопросы дня, борьба партій, все это несомнѣнное оживленіе общества, захваченнаго насущными и жгучими интересами, меня сильно увлекало. Изъ омута Петербургскаго свѣта и скуки казарменной я по-

чувствовалъ себя обновленнымъ въ Москвѣ, и все меня тамъ занимало. Всѣми преданіями семьи и русскаго историческаго чувства—я примыкалъ къ старой Москвѣ, которую воспѣлъ и опредѣлилъ такъ во время Борисъ Алмазовъ. Счастливъ я, что еще засталъ людей, крѣпкихъ духомъ, высоко честныхъ и возвышенно благородныхъ—людей и дѣятелей истинно русскихъ!

Я помню старый домъ подъ Новинскимъ. Онъ и теперь стоитъ нетронутый, какимъ былъ тогда. Деревянный, оштукатуренный въ желтую краску, съ куполовидною крышею и двумя переходами въ два однородныхъ флигеля, рѣшеткою отдѣляется онъ отъ улицы. Широкій дворъ за этимъ домомъ со службами въ одинъ этажъ, за домомъ небольшой, но тѣнистый садъ. Передняя безъ затѣй и украшеній—двѣ три ступеньки, и вы уже въ домѣ. Старый органъ стоитъ въ прихожей, кое-гдѣ картины неизвѣстныхъ мастеровъ. Вы входите въ свѣтлую—просторную гостиную, вся мебель временъ Имперіи, все безукоризненно выдержано. Стѣны бѣлыя подъ мраморъ, бронзы висятъ въ томъ же стилѣ. Двойной рядъ колоннъ отдѣляетъ эту комнату отъ другой такого же почти размѣра. Тутъ же шкафы съ книгами, эстампы, витрины и крѣпкая мебель. Вы идете дальше. Дверь раскрывается вправо отъ этой гостиной, и вы входите въ просторный кабинетъ, уютный, теплый, съ каминомъ посреди, съ диванами вдоль стѣнъ и покойными креслами. На стѣнахъ висятъ портреты и картины, широкій письменный столъ стоитъ у большаго окна на дворъ. Здѣсь и нумизматическая коллекція въ небольшихъ шкафахъ за окномъ. Васъ встрѣчаетъ хозяинъ, привѣтливый, обаятельный, простой и добродушный, съ тонкою выразительною улыбкой.—То князь Левъ Николаевичъ Гагаринъ.

Помню и другой кабинетъ въ дорогомъ для меня домѣ на Малой Никитской. Въ немъ было темновато

и низковато. Небольшія окна на широкій дворъ никогда не отворялись, даже лѣтомъ. Въ комнатахъ сыро и даже нѣсколько затхло. За перегородкой кроватъ, по стѣнамъ фотографіи и кіотъ съ образами въ углу. Черезъ небольшую проходную комнату въ одно окно съ старыми шкафами и терраріумомъ входите вы въ продолговатую со сводами комнату съ угловымъ большимъ диваномъ и каминомъ въ правомъ углу, съ грудою наваленныхъ на полу книгъ. Кое-гдѣ стоятъ въ безпорядкѣ портреты и гравюры, растенія выступаютъ близъ письменнаго стола огромнаго размѣра съ старинными часами по серединѣ и множество портретовъ; около него дубовый низенькій шкафъ для роскошныхъ изданій.— Это кабинетъ графа Алексѣя Васильевича Бобринскаго. Здѣсь сколько разъ собирались въ самое разнообразное время и при различной обстановкѣ, и многое говорятъ эти стѣны тому, кто былъ свидѣтелемъ многаго въ жизни этого стараго, дорогого мнѣ дома.

Рядомъ съ этою комнатою другая за дверью—два окна въ садъ и опять перегородка, здѣсь почти всегда темно. Въ этой комнатѣ я прожилъ нѣсколько дней до отъѣзда въ походъ 1877 года...

На Собачьей площадкѣ въ собственномъ домѣ жило семейство кн. Щербатовыхъ. Отецъ былъ когда-то Московскимъ губернаторомъ. Мать, княгиня Зинаида, важная и казавшаяся неприступной, имѣла трехъ дочерей — красавицу княжну Варвару — будущую графиню Гудовичъ, княжну Мери и княжну Зинаиду. Семья эта была намъ близка по дружбѣ графини В. Н. Гудовичъ съ гр. Варварою Ал. Мусинъ-Пушкиной и по семейству кн. Зинаиды, которая была дочерью княгини Варвары Сергѣевны Голицыной (Кагульской), матери Варвары Павловны Шереметевой.

Собачья площадка — здѣсь домъ, въ которомъ жилъ Хомяковъ, здѣсь и донынѣ домъ старушки Свербеевой. Это типичное гнѣздо, еще не вполнѣ утратившее свой характеръ.

На Садовой, окруженный деревьями и садомъ, большимъ ящикомъ стоитъ двухъэтажный домъ, нынѣ подновленный и помолодѣвшій, перешедшій къ графу Келлеру; но въ 60-хъ годахъ онъ былъ проще, строже и лучше; въ немъ жила хозяйкою дома древняя старушка княгиня Варвара Алексѣевна Репнина, дочь графа Алексѣя Кирилловича Разумовскаго. Два раза былъ я у нея. Она приняла меня съ зонтикомъ на глазахъ и съ палкою въ рукѣ — сдержанно-ласково, что-то говорила о дѣдѣ своемъ Графѣ Петрѣ Борисовичѣ и оглядывала меня внимательно. При ней была ея дочь княжна Варвара Николаевна, которая послѣ смерти матери продала этотъ домъ и жила еще долго, постоянно мѣняя свои квартиры; это была почтенная, бодрая и достойнѣйшая старушка *). Семья Новосильцовыхъ была ей близка и составляла связь съ тетушкой Елизаветой Сергѣевной Делеръ. Я зналъ также Варвару Владиміровну Новосильцову, тогда еще бодрую; она интересовалась всѣми современными вопросами и въ самый разгаръ польскаго возстанія и культа Каткова — продолжала сочувственно отзываться о Полякахъ.

Засталъ я еще старушку Постникову, одну изъ подругъ бабушки Екатерины Васильевны, былъ я у нея однажды съ дядею Борисомъ Сергѣевичемъ, котораго она въ шутку называла вмѣсто Boris — beau russe.

Пречистенскій домъ княгини А. Н. Урусовой, съ домовою церковью, опустѣлъ послѣ смерти хозяйки. Князь Сергѣй Николаевичъ пріѣзжалъ иногда изъ Петербурга, чтобы навѣстить жену, которая въ это

*) См. „Кн. Вар. Ник. Репнина“. С.-П.-Б. 1897 г.

время лежала постоянно въ постелѣ и гостей принимала не иначе.

Въ Кремлѣ и въ Соборахъ не разъ встрѣчалъ я старика Снегирева и столѣтняго Хавскаго, котораго Васильчиковъ называлъ „le dernier amant de l'Imperatrice Catherine“. Онъ возился съ пасхаліями и подарилъ мнѣ свою книгу. А. А. Васильчиковъ въ началѣ 60 годовъ пріѣхалъ изъ заграницы погостить въ Москвѣ. Онъ жилъ въ Олсуфьевскомъ домѣ на Дѣвичьемъ полѣ. Онъ былъ забавенъ и удивлялъ всѣхъ памятью и разсказами о прежнемъ обществѣ Москвы. Съ нимъ были мы въ Кусковѣ.

Видѣлъ я на похоронахъ бабушки старушку Боборыкину и засталъ сестру Горчаковыхъ В. Д. Аникееву, современницу кн. В. Ѳ. Вяземской.

Уваровы уже и тогда жили въ Леоптьевскомъ переулкѣ, но хозяйкою дома была княгиня Надежда Борисовна Трубецкая, дочь княгини Н. Ѳ. Четвертинской; любимая племянница княгини Вѣры Ѳеодоровны, она занималась политикой и сочувствовала Славянамъ.

Англійскій клубъ тогда еще былъ переполненъ интересными типами стариковъ — тамъ еще засталъ я Николая Ивановича Тютчева. Но меня мало интересовали клубы. Въ „Чернокнижную“, гдѣ ораторствовалъ Лонгиновъ, я не проникалъ.

Въ это время издавалась въ Москвѣ газета „День“. Ея редакторомъ былъ И. С. Аксаковъ. Съ нимъ познакомился я чрезъ посредство его товарища по Правовѣдѣнію князя Е. В. Оболенскаго. Трудно было не сочувствовать его направленію, насколько оно являлось отпоромъ противъ иноземныхъ увлеченій, сильно тяготѣвшихъ отовсюду.

Особенно интересенъ былъ въ его газетѣ отдѣлъ внутренней корреспонденціи, съ участіемъ такихъ лицъ, какъ Ю. Ѳ. Самаринъ, Чижовъ, кн. Одоевс-

кій... Передовыя его статьи были искренни, пламенны, но не всегда сдержанны. Неизбѣжно было охлажденіе къ направленію „Дня“, съ его увлеченіями.

Хорошенькій журналъ былъ „Зритель“, къ сожалѣнію державшійся не долго и издаваемый Колошинымъ. Легкій, остроумный, изящный, съ хорошими рисупками, „Зритель“ былъ не чета нынѣшнимъ подобнымъ же изданіямъ.

„Душеполезное Чтеніе“ подъ редакціею протоіерея Ключарева имѣло извѣстный успѣхъ; оно было доступно и отвѣчало потребностямъ многихъ.

Нельзя же не признать, что въ тѣ времена дѣйствительно существовала даровитая пресса, еще не столь развращенная, какъ нынѣ. О современныхъ изданіяхъ тогда еще и помину не было.

Кружокъ Новосильцевыхъ, Энгельгардовъ, Голохвастовыхъ—держался вокругъ Евгеніи Туръ, издательницы „Русской Рѣчи“.

Въ Москвѣ, кромѣ Ключарева, были хорошіе проповѣдники и выдающіеся священники, протоіереи: Зерновъ, Рождественскій, Виноградовъ, Иванцовъ-Платоновъ, — цѣлая группа не стоявшая особнякомъ внѣ общества, а связанная тѣснымъ общеніемъ съ нимъ и очевидно—къ обоюдной пользѣ.

Воинствующее духовенство появилось только въ наше время.... На Дѣвичьемъ полѣ засѣлъ М. П. Погодинъ. Съ нимъ я не былъ знакомъ тогда, но до меня доходили отголоски его патріотическихъ клубныхъ и иныхъ рѣчей. Я подписался на его газету „Русскій“ и очень скоро сталъ отъ нея втупикъ. Отъ времени до времени пріѣзжалъ въ Москву графъ В. П. Орловъ-Давыдовъ, группируя свою партію на англійскій ладъ. Во многомъ дѣятельность его почтенна, но слабыя его стороны, и „Англійская складка“—повредили ему.

Быстро расцвѣлъ и ослѣпилъ ораторскимъ блескомъ своимъ Д. Д. Голохвастовъ; но бѣдность содержанія рѣчи и желчная раздражительность свели его очень скоро съ подмостковъ; онъ уединился и заболѣлъ, хотя еще долго предводительствовалъ; слишкомъ скоро объ немъ забыли... А былъ онъ своего рода кумиромъ и любимцемъ дня.

Въ Губернаторскомъ домѣ на Тверской пріютилось цѣлое гнѣздо Оболенскихъ — тогда вообще въ Москвѣ весьма многочисленныхъ. Кн. А. В. Оболенскій былъ губернаторомъ. На Пречистенскомъ бульварѣ жили въ своемъ домѣ Оболенскіе-Мезенцовы— семья князя Сергѣя Александровича, нынѣ сдѣлавшіеся петербуржцами. Въ глухихъ переулкахъ Москвы также лѣпились гнѣзда Оболенскихъ.

Въ Грузинахъ давно уединенно жилъ В. П. Горчаковъ *). На Большой Никитской—С. Ѳ. Соковнинъ. У Любови Васильевны Васильевой не рѣдко встрѣчалъ я стараго холостяка и щеголя князя Хилкова.

У Оболенскихъ въ губернаторскомъ домѣ помню большой вечеръ, на которомъ была княжна Е. Б. Мещерская — нынѣ Татищева. Графъ Соллогубъ тамъ же читалъ свое новое тогда произведеніе—поэму „Нигилистъ“. Лѣтомъ приманкою для пріѣзжихъ служили скачки. Вся знать, все общество собиралось и интересовалось этими скачками. Держали пари за жокеевъ гр. Воронцова-Дашкова, Петровскаго, кн. Салтыкова, Мосолова, Талызина. Тогда все это было скромнѣе нынѣшняго. Помню, какъ меня поразилъ на этихъ скачкахъ необыкновенно высокаго роста человѣкъ, который любезничалъ съ дамами въ ложѣ и казался знатокомъ дѣла. То былъ Дмитрій Аркадьевичъ Столыпинъ. Тогда еще были хорошіе цыгане въ паркѣ. Помню вечеръ у пихъ съ графомъ Соллогубомъ, гр. Иполитомъ Черныше-

*) См. В. П. Горчаковъ. С.-П.-Б. 1891.

вымъ-Кругликовымъ, Б. С. и С. А. Шереметевыми.

Коренным Москвичемъ былъ всѣмъ извѣстный Сергѣй Михайловичъ Сухотинъ. Онъ хвалился тѣмъ, что со всѣми былъ знакомъ. Старый Преображенецъ, онъ уже давно поселился въ Москвѣ, гдѣ жили его братья. Онъ благоговѣлъ передъ Е. Ѳ. Тютчевой, но въ тоже время сохранилъ сношенія съ самыми разнообразными группами не только въ Москвѣ, но и въ Петербургѣ. Кто-то подшутилъ надъ нимъ, что до того онъ „repandu“, что на своихъ собственныхъ похоронахъ будетъ первымъ итти за гробомъ—появился даже такой рисунокъ. Онъ былъ добрый и хорошій человѣкъ, никому не сдѣлавшій зла, а многимъ добро.

Братья Шиповы въ это время процвѣтали въ Москвѣ. Старшій Сергѣй Павловичъ, генералъ-адъютантъ, женатый на графинѣ Комаровской, строгой и важной Аннѣ Евграфовнѣ, былъ неистощимый составитель проектовъ. Жилъ онъ въ домѣ Варгина. Братъ Дмитрій Павловичъ, политико-экономъ и заводчикъ Костромской, жилъ въ своемъ домѣ въ Брюсовомъ переулкѣ. Николай Павловичъ сидѣлъ на Лубянкѣ въ бывшемъ домѣ графа Растопчина; это былъ особый центръ, куда стекались многіе къ гостепріимному хозяину: Окуловы, Львовы, Дьяковы, Шаховскіе и пр. Всѣ братья удачно вели свои дѣла и жили дружно, даже патріархально. Въ этомъ кружкѣ особымъ почетомъ пользовался протоіерей Ключаревъ, нынѣ Амвросій Архіепископъ Харьковскій. Группа Самариныхъ въ то время была мнѣ недоступна, и я только разъ обѣдалъ съ Ю. Ѳ. Самаринымъ въ Англійскомъ клубѣ. Помню его мощную и выразительную фигуру.

Особый кружокъ составляли молодые дворянскіе и земскіе дѣятели первыхъ годовъ послѣ освобожденія крестьянъ: Наумовъ, Васильчиковъ, Мусинъ-Пушкинъ, Голохвастовъ, Безобразовъ, Оленинъ. Я присутствовалъ на открытіи перваго въ Москвѣ Земскаго со-

бранія. Говорунами скучными были Н. М. Смирновъ и А. А. Кирѣевъ. Въ то время составъ предводителей и депутатовъ былъ образцовый.

Познакомился я съ М. Н. Катковымъ довольно оригинально. Въ домѣ графа В. П. Орлова-Давыдова на Страстномъ бульварѣ жилъ П. А. Васильчиковъ, женатый на дочери его Евгеніи Владиміровнѣ. Онъ пригласилъ меня на большой „политическій“ обѣдъ съ дамами, игравшими непослѣднюю роль въ треволненіяхъ своихъ мужей. Пришлось мнѣ сидѣть рядомъ съ двоюродною сестрою графиней Софьей Алексѣевной Бобринской. По другую сторону около меня сидѣлъ незнакомый мнѣ человѣкъ, нѣсколько сгорбленный, съ тусклыми глазами и съ просѣдью. Весь обѣдъ мы упорно молчали. Къ концу стола въ разговорѣ съ двоюродною сестрою я сказалъ довольно громко, что давно желалъ познакомиться съ Катковымъ, о которомъ столько слышалъ, но никогда еще его не видѣлъ. Она улыбаясь сказала мнѣ, что онъ сидитъ рядомъ со мною. Меня это сильно озадачило, а Соня Бобринская залилась своимъ заразительнымъ смѣхомъ при видѣ моего удивленія. Долго потомъ разсказывали въ семьѣ объ этомъ случаѣ, и она при этомъ всегда смѣялась. Въ результатѣ состоялось конечно мое знакомство съ Катковымъ. Около этого времени дворянская депутація привѣтствовала его на квартирѣ и подносила ему адресъ съ чернильницею, а графъ Орловъ-Давыдовъ перо съ греческою надписью. Я примкнулъ къ этой депутаціи и въ первый разъ проникъ въ его „историческій“ кабинетъ. Онъ отвѣчалъ на адресъ благодарностью, изъ которой замѣтно было, что онъ не обладаетъ особымъ даромъ слова.

Въ это время Катковъ дѣйствительно владѣлъ умами и сердцами многихъ. Никто лучше его не выражалъ то, что чувствовали мы всѣ, а потребность въ отрезвленіи послѣ цѣлаго ряда фальшивыхъ нотъ—была очень велика. Полученіе каждаго номера „Москов-

скихъ вѣдомостей“ было событіемъ, и передовыя статьи читались на расхватъ. Это было лучшее время Каткова.

Ожесточенность его враговъ, какъ и восторгъ его поклонниковъ, служатъ несомнѣннымъ доказательствомъ его выдающагося значенія и силы его дарованія... Заслуги его передъ Россіею въ 1862 и въ 1863 году внѣ всякихъ сомнѣній.

Почетныхъ стариковъ, къ которымъ ѣздили на поклоненіе, я уже не засталъ. Не было ни Ермолова, ни Чаадаева; за то живъ былъ Иванъ Яковлевичъ Корейша, и многія почтенныя дамы даже увѣровали въ него. Литературный міръ почти не проникалъ на Воздвиженку. Одинъ только Б. Н. Алмазовъ появлялся довольно мрачный, но было время, что и онъ оживлялся и читалъ съ воодушевленіемъ свои сатирическія выходки на петербургское чиновничество. Въ комнатахъ тетушки Елизаветы Сергѣевны на Воздвиженкѣ помню, какъ собрались мы всѣ и восхищались его „Посланіемъ къ чиновнику либералу отъ мирнаго обывателя“. В. П. Горчаковъ, въ качествѣ друга литераторовъ и самого Пушкина, особенно ему сочувствовалъ. Это было блестящее время Малаго театра, торжества Садовскаго, Шумскаго, Самарина, Васильева, Ѳедотовой, Колосовой, Живокини, Акимовой; но Щепкина я уже не засталъ. Высокое наслажденіе доставлялъ тогда Москвѣ Малый театръ. Нарочно пріѣзжали изъ Петербурга, чтобы послушать „Любима Торцова“ въ „Бѣдности не порокъ“, „Свои люди сочтемся — съ Садовскимъ, Льва Гурыча Синичкина—съ Живокини. Какое было оживленіе, какой восторгъ!

Итальянская опера была очень порядочная, пѣлъ „Стеллеръ баритонъ“ въ Ballo in masquera, теноръ Pancani S-ra Fricci. Я помню одно представленіе въ Маломъ театрѣ. Сидѣлъ я въ креслѣ перваго ряда рядомъ съ толстымъ генераломъ съ трехъэтажною

шеею à la генералъ Бетрищевъ—то былъ бывшій Орловскій градоправитель, князь Петръ Ивановичъ Трубецкой. Объ немъ спорили, сравнивая его съ княземъ Николаемъ Ивановичемъ. Во все время представленія онъ сильно мѣшалъ мнѣ своимъ разговоромъ, когда же оно кончилось, я столкнулся съ нимъ опять у выхода и слышалъ, какъ онъ кричалъ во все услышаніе: „Карета Генералъ-лейтенанта, Сенатора князя Трубецкаго!“ Балета я никогда не любилъ,а потому и въ Москвѣ въ немъ не бывалъ. Слухи доходили объ успѣхѣ Карпаковой. Тогда директоромъ театровъ въ Москвѣ былъ Львовъ.

Знаменитый впослѣдствіи „Эрмитажъ“ тогда еще не существовалъ, не было помину и о Славянскомъ базарѣ, хотя Пороховщиковъ, удачно арендовавшій нашъ домъ, начиналъ уже входить въ силу. Скромною теперь кажется гостинница Шевріе, бывшая Шевалье, въ Газетномъ переулкѣ, насупротивъ барскаго дома Римскаго-Корсакова. Здѣсь собирались пріѣзжіе и золотая молодежь. Теперь Chevrier давно нѣтъ, и домъ Римскаго Корсакова проданъ и обращенъ въ театръ. Нѣсколько позднѣе прославился на углу Столешникова пер. Olivier, въ гостинницѣ „Англія“ (онъ же и основатель Эрмитажа). Я еще засталъ знаменитый Троицкій трактиръ на Ильинкѣ, но Печкина уже не было, а гостинница Шевалдышева еще держалась. Очень недолго существовалъ „Лоскутный“ и окончательно утвердился Патрикѣевъ (онъ же и Тѣстовъ).

Въ то время Общество акклиматизаціи животныхъ и растеній, подъ покровительствомъ Великаго Князя Николая Николаевича и имѣя въ своемъ составѣ Графа А. В. Бобринскаго, С. А. Усова, Я. И. Калиновскаго, оживилось и приносило пользу. Дурные элементы были устранены и въ рукахъ людей науки и дѣла общество достигло небывалаго процвѣтанія. Ему принадлежало обширное мѣсто у Прѣсненскихъ прудовъ,

гдѣ устроенъ былъ Зоологическій садъ. Для привлеченія публики на обширныхъ прудахъ устраивались ледяныя горы и катанія на конькахъ. Общество самое лучшее привлечено было къ участію въ его увеселеніяхъ. Графъ Л. Н. Толстой запечатлѣлъ это время нѣсколькими чудными страницами въ „Аннѣ Карениной“. Публика на Прѣсненскихъ прудахъ отличалась порядочностью. Ничего подобнаго уже теперь нѣтъ. Тогда С. А. Усовъ печаталъ свои изслѣдованія о турахъ, появлялись изящныя изданія, доступныя для всякаго любителя и цѣнныя для знатока. И все это было очень просто. Просто потому, что къ этому дѣлу были привлечены такіе люди, какъ Графъ А. В. Бобринской и С. А. Усовъ.

Любилъ я эту часть города, у Прѣсненскихъ прудовъ, среди разбросанныхъ садовъ и старыхъ помѣстительныхъ деревянныхъ зданій. Они имѣютъ особый отпечатокъ и не мѣняются, слава Богу, и до нынѣ. Здѣсь издавна жила въ своемъ не то домѣ, не то усадьбѣ—семья Перфильевыхъ. Тогда уже появился на Московскомъ горизонтѣ красавецъ Сергѣй Степановичъ Перфильевъ. Гдѣ-то неопредѣленно виталъ такъ называемый „китаецъ“ Воейковъ, другъ всѣхъ своихъ друзей, въ числѣ коихъ былъ и Князь Л. Н. Гагаринъ. Въ мѣстахъ Прѣсненскихъ проживали Шаховскіе, родственники Муравьевымъ, жена А. Н. Муравьева и сестра ея извѣстная Morette, фрейлина Голынская, пѣвица и любительница хорошей музыки.

Въ Москву вернулся послѣ долгаго отсутствія отставной гусаръ, имѣвшій знакъ отличія военнаго ордена за Севастополь, мужъ знаменитой „Лаваринки“ красавицы Мельгасовой. Потерпѣвъ крушеніе въ жизни, мужъ и жена покинули другъ друга, и онъ вернулся въ родную Москву, гдѣ у него еще уцѣлѣлъ тогда домъ въ Газетномъ переулкѣ. То былъ Римскій Корсаковъ, гусаръ и кутила, свѣтскій левъ и весельчакъ

беззаботный, человѣкъ не дурной и покладистый. Онъ доживалъ свой бурный короткій вѣкъ; имѣніе его разорилось, домъ его былъ проданъ, а самъ онъ неунывая записался въ руководители свѣтскихъ увеселеній. Онъ „дирижировалъ“ необыкновенно искусно всѣми балами у генералъ губернатора и въ Дворянскомъ Собраніи, унаслѣдовавъ прочную репутацію нѣкогда извѣстнаго всей Москвѣ Vpata Бартенева.

Помню, какъ въ одномъ изъ переулковъ около Тверской встрѣтилъ я пышную карету. На козлахъ сидѣлъ гайдукъ съ зеленнымъ плюмажемъ на шляпѣ. Въ каретѣ полулежа виднѣлся старикъ блѣдный, дряхлый съ большою сѣдой головой. То былъ Оберъ егермейстеръ графъ Гудовичъ. Онъ давно уже жилъ въ Москвѣ на покоѣ.

Тогда Кремль не былъ еще такъ пустъ и безлюденъ, какъ нынѣ. Тогда еще не относились ревниво къ Успенскому собору, не безобразили древнихъ соборныхъ оконъ. Тогда еще въ крестныхъ ходахъ принималъ участіе весь народъ и не опаздывала служба въ Свѣтлое Христово Воскресеніе. Тогда небоялись кражи священныхъ предметовъ и не запирали за семью замками кремлевскихъ церквей.—Духовенство еще держалось древняго столбоваго пѣнія, и въ Успенскомъ соборѣ еще раздавался звучный голосъ Протоіерея Петра Ильича. Не было тогда ни „викторіальнаго“ Храма Спасителя, ни патріотовъ хоругвеносцевъ, ни газетныхъ объявленій о такой-то службѣ съ митрополитомъ.

Я вижу Успенскій Соборъ, переполненный молящимися; совершается чинъ службы Торжества православія; съ высокой каѳедры звучнымъ старческимъ голосомъ Протодіаконъ Александръ Антоновичъ провозглашаетъ „анаѳему“, „вѣчную память“ и „многолѣтіе“. Посреди храма на амвонѣ въ полномъ составѣ освященный Соборъ. Впереди небольшаго роста ста-

рецъ; онъ сгорбился подъ тяжестью облаченія и бременемъ лѣтъ. Древняя митра, осѣненная алмазнымъ крестомъ, покрываетъ его голову; легкая сѣдая бородка опускается на панагію съ голубою лентой Андрея Первозваннаго. Голосъ его слабый, еле слышный-но глаза горятъ и насквозь проникаютъ.—То приснопамятный митрополитъ Московскій Филаретъ. Подлѣ него рядомъ другой старецъ, блѣдный, какъ смерть, съ правильными чертами на безжизненномъ лицѣ, съ опущенными вѣками на потухшихъ глазахъ; бѣлая, борода широко опускается на грудь. Онъ старше Филарета. Это Евгеній, маститый архипастырь и другъ владыки. Онъ на покоѣ въ Донскомъ монастырѣ. Немного поодаль стоитъ Епископъ въ митрѣ древняго образца, худой и блѣдный, весь погруженный въ молитву, весь проникнутый значеніемъ совершаемаго—это Викарій московскій, Дмитровскій епископъ Леонидъ—близкій мнѣ по чуству признательности и отмѣннаго расположенія. Около него и другой викарій—Савва, епископъ Можайскій, еще бодрый и моложавый, съ окладистою русой бородой. Это другъ проосвященнаго Леонида. Тогда была еще дружба между архіереями.

Съ каждымъ годомъ Москва не только обезличивается, но и теряетъ свою самобытность и тотъ особый отпечатокъ, который такъ былъ привлекателенъ, какъ бы ни глумился надъ нимъ Грибоѣдовъ; но мы не должны забывать, что великій художникъ осмѣялъ только одну сторону Москвы и ея общества. Грибоѣдовская Москва существовала, но была и другая Москва, о которой писалъ кн. Вяземскій. Теперь намъ съ торжествомъ говорятъ нынѣшніе заправилы городскаго хозяйства, что мы скоро Москву не узнаемъ, что она будетъ Европейскою вполнѣ; но тогда ей и конецъ, а до этого мы не дойдемъ, потому что при всѣхъ усиліяхъ это еще не такъ легко, такъ кажется...

Быть можеть и лучше и безопаснѣе стали, напримѣръ, вновь построенные ряды, замѣнившіе Аракчеевскую постройку Александровскихъ временъ противъ памятника Минина и Пожарскаго въ видѣ Римлянъ; жалѣть о ней конечно не стану, но не скрою, что исчезновеніе рядовъ, этихъ темныхъ и кривыхъ закоулковъ съ лавочками, съ залежавшимся товаромъ, съ старьевщиками, сбитеньщиками, мѣнялами — ничего не прибавило къ живописной и самобытной сторонѣ Москвы. Эти таинственные уголки, гдѣ вы находили тогда драгоцѣнные остатки прежняго величія — серебро старинное, ткани, монеты,—оружіе, иконы древняго письма и древняго благочестія, — все это имѣло свою особую прелесть, свою поэзію. Электрическое освѣщеніе и телефоны не дадутъ вамъ ничего взамѣнъ, и одной „техники“ не достаточно.

Не могу не пожалѣть каждаго памятника древняго церковнаго зодчества, варварскою рукою современною стираемаго съ лица земли. Въ нихъ истинное художество и притомъ свое прирожденное, вѣками сложившееся, говорящее русскому чувству и русскому уму. Не могу и радоваться современнымъ храмамъ, въ которыхъ царятъ безвкусіе и невѣжество, гдѣ роскошь на первомъ планѣ,—размѣры и богатство матеріала. Но такая роскошь никогда не бывала къ добру.

Вы входите въ глухую, еле замѣтную лавку букиниста. Сразу ее не разглядишь, но и здѣсь вы еще не въ самомъ гнѣздѣ. Васъ отводятъ куда-то въ закоулокъ у задняго двора, вы проникаете въ небольшую дверь и попадаете въ невѣдомый вамъ міръ. Передъ вами груда книгъ, гравюръ, портретовъ и всякой рухляди, и здѣсь-то находите вы себѣ порою предметъ вашихъ давнихъ поисковъ и мечтаній. Вы неожиданно охвачены духомъ старинной Руси, вы слышите почти тотъ же разговоръ, который могъ раздаваться въ томъ же Кремлѣ въ эпоху Стрѣлецкихъ движеній

при Царевнѣ Софіи. И не все еще разрушенное мощною рукою Петра вамъ представляется достойнымъ порицанія и гибели. Вникните глубже въ эти разнообразные міры. Вамъ покажутся жалкими и бѣдными вѣянія и приправы современности, на какомъ бы то ни было настоѣ.

Трудно понять этотъ сложный, безконечно разнообразный и сбивающій васъ „калейдоскопъ", и трудно согласить многое. Изъ глухого захолустья Замоскворѣчья съ самоварами и перинами и безпробуднымъ сномъ ея обитателей — блестящимъ рѣзцомъ художника разсказчика воспроизводимаго на глазахъ нашихъ въ удивительномъ совершенствѣ — перенесемся въ раззолоченную гостиную и всю сіяющую, залитую огнями, большую залу генералъ губернаторскаго дома. Тогда еще не появлялось облика недавняго юбиляра Москвы. Насиженное мѣсто такихъ личностей, какъ Князь Дмитрій Владиміровичъ Голицынъ и даже Графъ Закревскій, занято было рыцаремъ благородства и чести Павломъ Александровичемъ Тучковымъ. Онъ принималъ просто и радушно, какъ принимали въ старину; то былъ коренной русскій человѣкъ, связанный именемъ и преданіями семьи съ великой битвой Бородинской. Тогда не могло быть рѣчи о юбилеяхъ, и невольно вспоминаются слова Князя П. А. Вяземскаго.

„Мы промѣняли на деньги мелкія
Старинныя медали..."

Мѣрный звонъ раздается по Москвѣ, валитъ народъ на Красную площадь; счесть нельзя этой толпы, и все растетъ она и наполняетъ площадь. На Лобномъ мѣстѣ собирается духовенство,— развѣваются хоругви, подвигнулись древнія иконы и начинается служеніе. То всенародная молитва первопрестольнаго града: „О еже воздвигнути отъ одра болѣзни и отъ ложа озлобленія благовѣрнаго Государя цесаревича

Николая Александровича". Это не дѣланное, искусственное торжество, здѣсь все правда, и въ этомъ обмануться нельзя. Съ этимъ достопамятнымъ временемъ связаны какъ-то особенно воспоминанія о Митрополитѣ Филаретѣ, о преосвященномъ Леонидѣ и др. Бабушка Екатерина Васильевна не многимъ не дожила до этихъ дней. Она скончалась 25 марта 1865 г. Это движеніе всенароднаго сочувствія было послѣднимъ въ царствованіе Императора Александра II. Ничего подобнаго уже позднѣе не повторялось. Лишь сравнительно недавно, послѣ грознаго событія — крушенія въ Боркахъ — нельзя было сомнѣваться въ искреннемъ порывѣ того мощнаго движенія, которое охватило всѣхъ и вся. Мы давно уже начали отъ этого отвыкать.

Особенныя лица встрѣчались въ архіерейскихъ гостиныхъ: дамы просительницы и молельщицы, полусановники, старые генералы, Сенаторъ Цеймернъ, постоянный посѣтитель Саввинскаго подворья Камергеръ Хрущовъ, С. М. Сухотинъ и др.

Помню одно посѣщеніе дорогаго для меня Саввинскаго подворья.

Преосвященный Леонидъ сидитъ на своемъ обычномъ мѣстѣ, на угловомъ диванѣ гостиной. Изъ оконъ его видны главы Московскихъ соборовъ и Иванъ Великій. Передъ нимъ почтительно сидитъ въ странномъ необычномъ клобукѣ человѣкъ уже пожилой, съ лицомъ энергическимъ и рѣшительнымъ, съ умнымъ и быстрымъ взглядомъ. Они говорятъ о церковныхъ вопросахъ. Это вновь привлеченный въ единовѣріе знаменитый Павелъ Прусскій.

Довѣреннымъ лицомъ Преосвященнаго Леонида былъ Настоятель Угрѣшскаго монастыря архимандритъ Пименъ, маленькіе мышиные его глаза такъ и бѣгаютъ: видно тотчасъ, что онъ большой дѣлецъ и практикъ.

Не разъ бывалъ я въ другихъ комнатахъ преосвященнаго Леонида. Его спальня была въ одно окно. Иконами заставлена стѣна у кровати. На аналоѣ евангеліе. Изъ окна видъ на Кремль. Нижній этажъ его дома предоставлялся для случайныхъ посѣтителей и пріѣзжихъ. Здѣсь я былъ однажды у А. Н. Муравьева, который былъ боленъ. У него засталъ я старшаго его брата Александра Николаевича, бывшаго Нижегородскаго губернатора, и декабриста, отставнаго генерала, бывшаго Конногвардейца Рейхеля и многихъ гостей.

Въ то время только что начался „Русскій Архивъ“ и первыми книгами своими оживилъ заснувшее вниманіе общества къ историческому недавнему прошлому. П. И. Бартеневъ пребывалъ на Мясницкой въ домѣ Г. А. Черткова, гдѣ въ драгоцѣнной библіотекѣ были сокровища, относящіяся до Россіи. Любилъ я по дорогѣ останавливаться у этого дома: всегда можно было застать здѣсь Бартенева и заслушаться его живыхъ разсказовъ „о роднѣ, о толсто-брюхой старинѣ“...

Я помню неудавшуюся поѣздку къ нему съ Графомъ А. В. Бобринскимъ съ предложеніемъ заняться изданіемъ „Вѣка Екатерины.“ Нашлись желающіе поддержать это изданіе, но Бартеневъ тогда уклонился... Теперь, при появленіи современнаго „слѣдственнаго дѣла,“ остается сожалѣть, что Екатерина еще не въ настоящихъ рукахъ.

Странное дѣло: недоумѣваютъ и толкуютъ теперь, какъ быть съ иными трудами, а чутья не хватило во время предугадать несомнѣнную потребность и предупредить ее изданіемъ исторіи Екатерины, основанной не на частной перепискѣ, мемуарахъ и дипломатическихъ сплетняхъ, а на обширныхъ данныхъ Государственнаго архива. Вся сила однако и заключается въ этомъ своевременномъ чутьѣ и въ предусмотрительности...

Помню необычайное оживленіе въ Москвѣ. Все встрепенулось, засуетилось, зашумѣло, разговорамъ не было конца, и радостное чувство охватило всѣхъ. Москва ожидала пріѣзда новобрачныхъ: Цесаревича Александра Александровича и Цесаревны Маріи Ѳеодоровны. Старая столица пріукрасилась, пріодѣлась, всѣ готовились достойно принять и отпраздновать новобрачныхъ. Я былъ въ Москвѣ въ самый разгаръ этихъ увеселеній. Изъ Петербурга наѣхало множество придворныхъ и военныхъ кавалеровъ. Москва лицомъ въ грязь не ударила. Я не запомню такого блестящаго, радостнаго торжества, столь подобающаго знаменательному событію. Спектакли gala смѣнялись балами и раутами. Въ залѣ Дворянскаго Собранія былъ оживленный балъ; не смотря на передѣлку главной залы, нашли возможнымъ танцовать въ Георгіевской. Когда подъѣхалъ Государь, всѣ бросились на встрѣчу къ лѣстницѣ. Музыка грянула, и вышелъ Государь въ первой парѣ, а Цесаревна съ Княземъ Львомъ Николаевичемъ Гагаринымъ. Самое сильное впечатлѣніе произвелъ на меня большой балъ въ Кремлѣ. Въ первый разъ видѣлъ я дворецъ во всемъ его блескѣ. Танцовали въ Владимірской залѣ. Цесаревичъ танцовалъ мазурку съ Гр. С. А. Бобринской, Великій Князь Владиміръ Александровичъ—съ А. А. Шереметевой. Ужинъ былъ въ Георгіевскомъ залѣ; она была переполнена народомъ, залита огнями; множество столовъ расположено было насупротивъ помоста, на которомъ возвышался Царскій столъ. Огни горѣли на балконѣ, и чуденъ былъ видъ на замоскворѣчье. Не говорю уже о выходѣ, о службѣ въ Соборѣ, о звонѣ колокольномъ—о всемъ, что видѣть можно только въ Москвѣ, что вполнѣ прочувствовать можетъ только человѣкъ русскій.

Пріубрался и старый домъ Графини Бобринской на Мал. Никитской. Хозяйка его Графиня Софія Прокофьевна давала блестящій раутъ. Огни горѣли

во всѣхъ окнахъ. Кареты за каретами въѣзжали на широкій дворъ. Старый дворецкій Меѳодій Іевлевичъ принарядился и важно расхаживалъ, дѣлая распоряженія. Красивъ и типиченъ этотъ старый домъ. На лѣстницѣ вазы empire; все убранство дома безукоризненно выдержано въ томъ же стилѣ и до мельчайшихъ подробностей. Древнія иконы развѣшены во всѣхъ комнатахъ. Знакомыя давно картины, занавѣси и вся обстановка дома, всё ожило и освѣтилось при яркомъ свѣтѣ множества свѣчей въ художественныхъ люстрахъ и подсвѣчникахъ. Особенно хороша большая гостиная empire, съ темно синими шелками по стѣнамъ и на мебели. Въ струнку вытянулись диваны и кресла этой безукоризненной гостиной. Свѣчи отражаются въ широкихъ зеркалахъ. Еще дальше проходная комната въ одно окно, съ старинными шкафами marquetterie, съ прекрасными образцами семейнаго серебра. За нею гостиная, или кабинетъ Графини Софьи Прокофьевны съ зелеными шелками по стѣнамъ и на мебели съ удобными сидѣньями и множествомъ бездѣлушекъ. На каминѣ драгоцѣнные часы Louis XVI, здѣсь же угловой диванъ и много креселъ, удобно расположенныхъ для разговора. Мало по малу весь домъ переполнился посѣтителями. То было сліяніе общества Московскаго съ прибывшими гостями изъ Петербурга. Кавалергардскіе офицеры, придворные чины съ представительнымъ Оберъ—церемоніймейстеромъ Княземъ Ливеномъ, пышныя и повелительныя дамы—весь цвѣтъ столицы, вся знать „и моды образцы“—все было на лицо.

„Тѣснился знать въ роскошные покои,
Былая знать минувшаго двора...“

Я былъ на этомъ „раутѣ,“ и онъ навсегда запечатлѣлся въ моей памяти; но всего болѣе любовался я тогда хозяйками дома. Представительная и сановитая

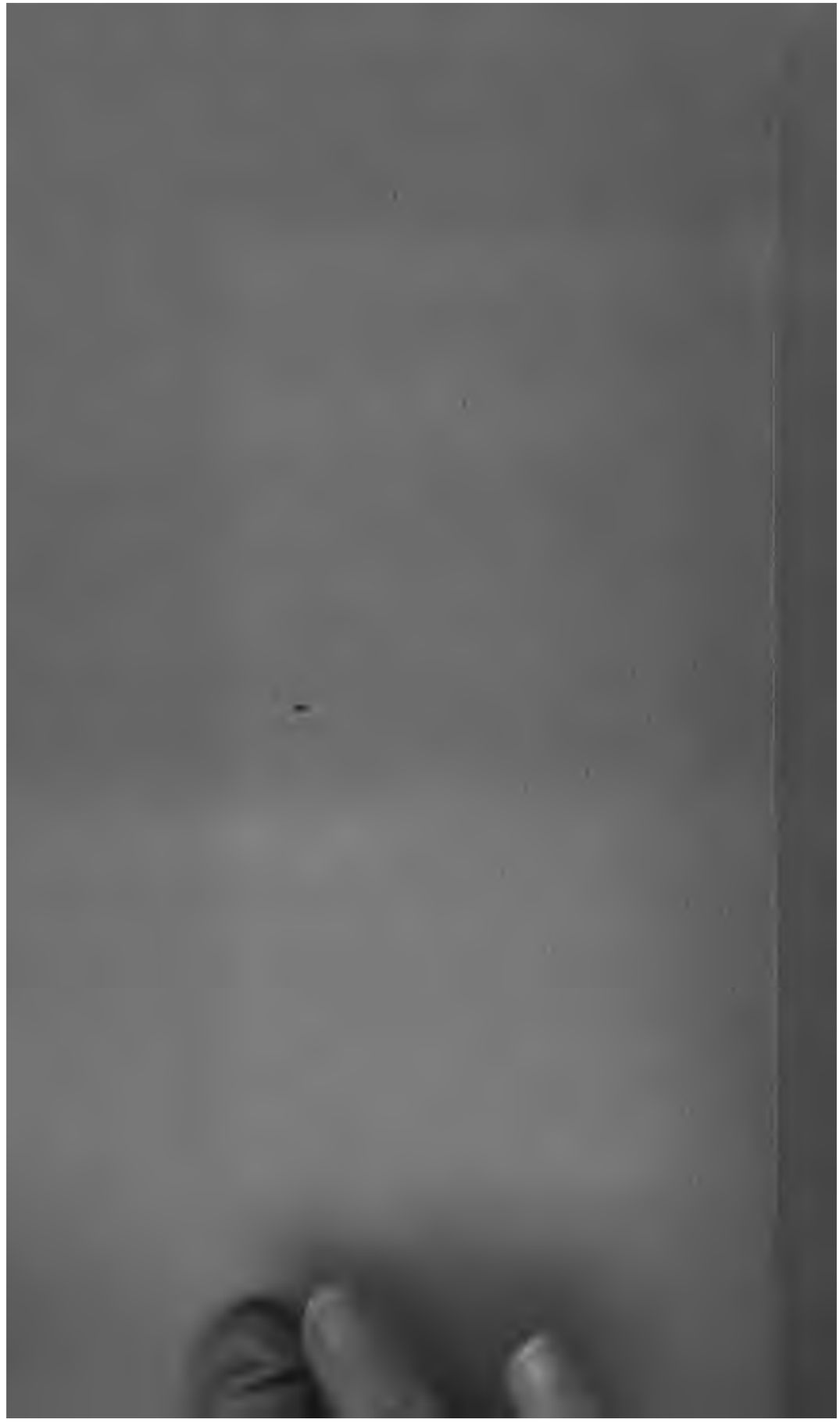
Графиня Софья Прокофьевна принимала такъ, какъ умѣли принимать только въ былое время, а молодая ея невѣстка въ полномъ расцвѣтѣ чарующей красы привлекала своею прелестью и простотой.

Все это было очень давно. Всѣ мы были еще тогда молоды, и счастье въ этомъ домѣ казалось такъ несомнѣнно—такъ прочно!...

Закончу этимъ мои поминки по старой Москвѣ.

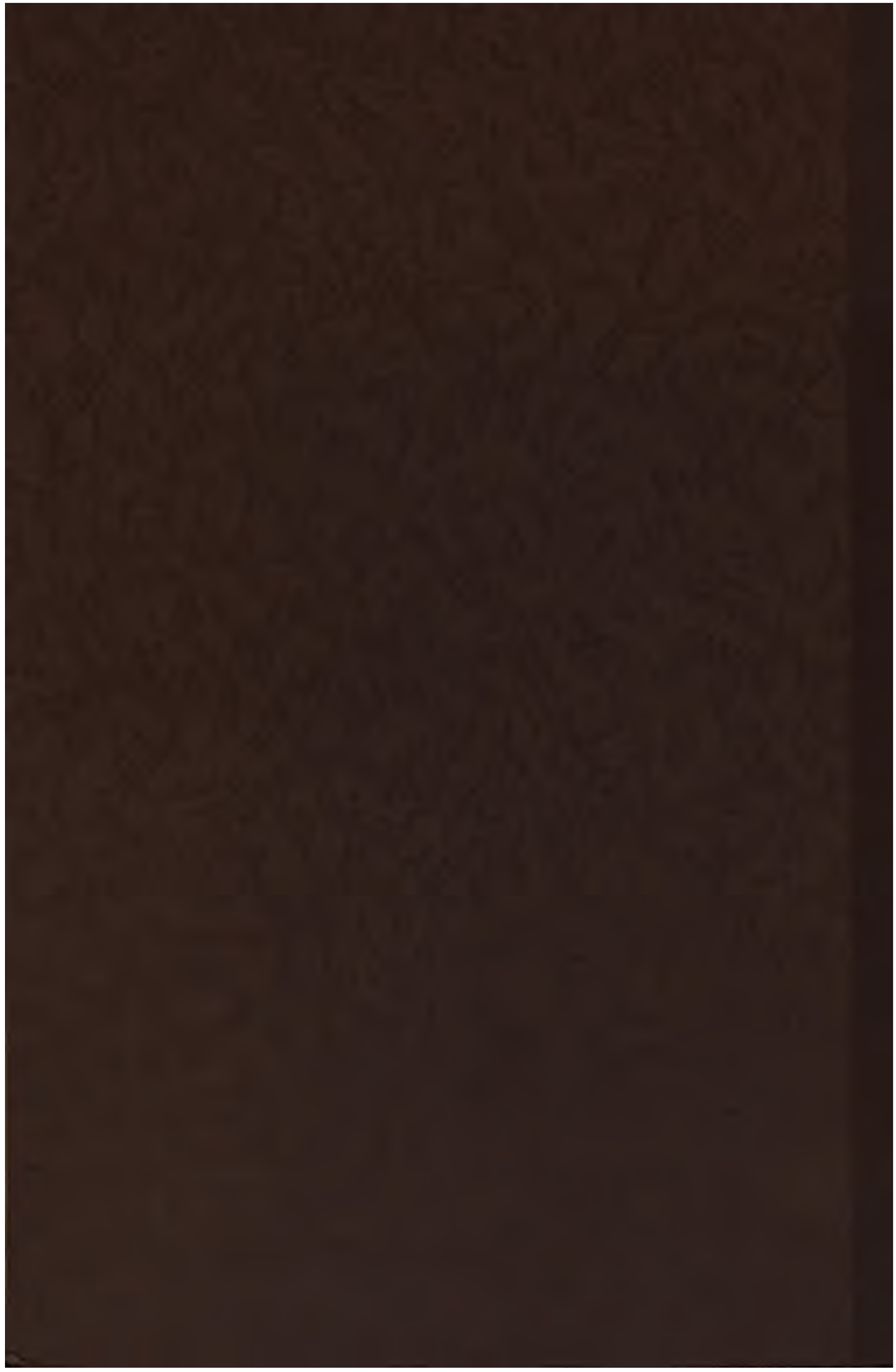
Графъ Сергій Шереметевъ.

С. П. Б.
8 января. 1891 г.



DK 601 .S4 C.1
Moskovskiia vospominaniia shes
Stanford University Libraries
3 6105 036 828 056

Stanford University Libra
Stanford, California

Return this book on or before date d

JUN 1985